УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СТАТИСТИКА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Кузьмина Н.В.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета, Костромской государственный технологический университет (Россия), 156011, Россия, г.Кострома, ул. Малышковская, 4, crimelaw.@kstu.edu.ru

УДК 343.9
ББК 67.408.1

Цель: исследование направлено на выявление слабых сторон порядка учета в уголовно-правовой статистике преступлений, совершенных по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотиву ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Методы: исследование основано на использовании статистических группировок, анализе криминологических показателей этнической преступности, правовом анализе материалов уголовных дел и обзоров судебной практики.

Результаты и область применения: в настоящее время криминологический анализ этнической преступности возможно проводить по перечням преступлений экстремистской направленности и преступлений террористического характера в соответствие с Приложением к указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 11.09.2013 N 387-11/2. В результате изучения было выявлено, что указанные перечни не обоснованы и отражают преступления этнического характера лишь частично. В статистике представлено общее число преступлений экстремистской или террористической направленности без определения структурного соотношения тех или иных конкретных видов преступлений (составов). Другие преступления, образующие криминологическое явление этнической преступности, в данные перечни не попадают. Во многих случаях не ясна реальная квалификация преступления, т.к. в юридической практике возникают большие трудности при квалификации преступлений экстремистской направленности. В итоге из анализа уголовной статистики становится неясным, каким оказался результат расследования преступлений и какой приговор вынес суд.

Научная новизна: в исследовании выявлено, что существующая система формирования уголовно-правовой статистики об этнической преступности не отвечает требованиям научности. Для более полного и объективного отражения рассматриваемых преступлений в статистике предлагается внести некоторые изменения в Уголовный кодекс РФ и изменить сам порядок их учета.

Ключевые слова: уголовно-правовая статистика, перечень преступлений, экстремизм, терроризм, этническая преступность, ненависть, кровная месть, криминологический показатель, статистический отчет.

Kuzmina N.V.

CRIMINAL LAW STATISTICS IN ETHNIC CRIME CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Purpose: research is aimed at identifying weaknesses of accounting in criminal statistics of crimes committed because of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity or because of hatred and hostility toward a social group.

Methods: study is based on the use of statistical groupings, criminological analysis of indicators of ethnic crime, legal analysis of the materials of criminal cases and judicial review.

Results and Applications: Currently criminological analysis of ethnic crime may carry on lists of extremist crimes and terrorist crimes in accordance with the Annex to the instructions of the Prosecutor General of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 11.09.2013 N 387-11/2. As a result of the study, it was found that these lists are not justified and reflect crimes of an ethnic nature. In the statistics submitted the total number of crimes of extremist or terrorist intent without establishing a structural balance of specific types of crime (trains). Other crimes forming criminological phenomenon of ethnic crime, are not getting to these lists. In many cases it

© Кузьмина Н.В., 2014

is not clear the actual offence, because in practice there are great difficulties with the definition of crimes of extremist nature. As a result of the analysis of crime statistics is not clear in what turned out to be the result of investigation of crimes and the sentence handed down by the Court.

Scientific novelty: the study found that the existing system of formation of criminal legal statistics on ethnic crime does not comply with scientific. For a more comprehensive and objective reflection of the crimes in the statistics offered to make some changes to the Criminal Code and change the actual order of its registration.

Key words: criminal legal statistics, the list of crimes, extremism, terrorism, ethnic crime, hate, vendetta, criminological index, a statistical report.

Криминологам хорошо известно, что в современных условиях уголовная статистика не учитывает целый ряд криминологических явлений. Например, профессиональную преступность приходится изучать по основным статистическим показателям рецидивной преступности. Большие трудности возникают при изучении этнической преступности. Приходится констатировать, что, исходя из данных статистики, нельзя в полной мере представить криминологическую картину преступлений, совершаемых по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотиву ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Этническая преступность – это весьма сложное криминологическое явление, которое не охватывается каким-либо определенным перечнем составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ. К этнической преступности следует отнести терроризм, преступления экстремистской направленности, преступления против личности, экономические преступления и преступления против государственной власти, совершаемые, как правило, организованными этническими преступными группами. Исходя из анализа правоприменительной практики, можно сделать вывод, что любое преступление может быть совершено по мотиву ненависти или розни.

В целом, этническую преступность можно определить как массовое, исторически изменчивое, социально-правовое, антиобщественное явление, слагающееся из совокупности действий, запрещенных уголовным законом (преступлений), совершаемых на определенной территории в тот или иной период времени по линии этнической общности [1]. При выяснении содержания понятия «этническая преступность» следует учитывать абсолютно правильный, на наш взгляд, подход М.П. Клейменова, который считает, что «во-первых, … «этническая преступность» – условный (операциональный) термин, охватывающий криминологическую реальность, которая связана с этническим фактором и проявляется в механизме преступной деятельности, в формировании криминальных объединений, непосредственно в совершении преступлений. Иными словами, эта дефиниция ни в коем случае не утверждает наличия криминального этноса, генетически «запрограммированного» на совершение преступлений, но указывает на гипотетическое существование корреляций (положительных и отрицательных) между этническими признаками и преступным поведением. Ключевыми здесь являются особенности этнической криминальной психологии.

Во-вторых, понятие этнической преступности фиксирует противоречия во взаимоотношениях между представителями различных этносов, которые реализуются в криминальной форме, например, в виде массовых беспорядков, погромов, поджогов и т.п.

В-третьих, этническая преступность выражает патологию отношений внутри этноса, когда жертвами преступлений становятся соплеменники правонарушителей»[2].

Этническая преступность как криминологическое явление не находит своего полного отражения в уголовно-правовой статистике. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2013 года, представленная МВД РФ, показывает лишь отдельные проявления этнической преступности.

В январе - декабре 2013 года органами внутренних дел рассмотрено 28,35 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, что на 7,5% больше, чем за двенадцать месяцев 2012 года. Организованными группами или преступными сообществами совершено 16,6 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (-4,3%), их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий остался на уровне аналогичного периода прошлого года (5,7%)[3].

Становится неясным, каков структурный состав этих групп и сообществ, есть ли среди них группы, сформированные по этническому признаку?

Иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 47 тыс. преступлений, что на 10,2% больше, чем за январь - декабрь 2012 года, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 40,3 тыс. преступлений (+8,0%), их удельный вес составил 85,8%.

В январе - декабре 2013 года субъектами учета преступлений выявлено 661 преступление террористического характера, 896 преступления экстремистской

направленности. Предварительно расследованы субъектами учета 454 преступления террористического характера, 743 преступления экстремистской направленности[4].

Какие выводы можно сделать, анализируя указанные статистические показатели? Насколько объективно отражены в статистике преступления, совершаемые по линии этнической общности?

В этническую преступность в криминологическом контексте, как уже подчеркивалось, целесообразно включать целый ряд предусмотренных статьями Особенной части УК РФ преступлений, которые совершенны по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотиву ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы. В настоящее время ряд статей УК РФ имеет квалифицирующий признак, который отображает именно совершение преступления по данному мотиву (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, хулиганство и др.).

Однако законодатель пока еще не дополнил другие статьи квалифицирующими признаками, указывающими на мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотивы ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы. По мнению некоторых ученых[5], данным признаком следует дополнить следующие статьи Уголовного кодекса РФ: ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства); ст. 125 УК РФ (оставление в опасности); ст. 126 УК РФ (похищение человека); ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы); ст. 128.1 УК РФ (клевета); ст. 131 УК РФ (изнасилование); 132 УК РФ (насильственные действии сексуального характера); 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества); ст. 243 УК РФ (уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей); ст. 277 УК РФ (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля).

В уголовную статистику все эти преступления не попадают даже как экстремистские преступления, а проходят по другим перечням преступлений.

Следует отметить, что в 2013 году изменился порядок учета преступлений исходя из принятия новых перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании форм статистической отчетности [6].

Данные перечни представляются не до конца продуманными. В соответствие с Перечнем №20 преступлений экстремистской направленности, к таковым отнесен достаточно ограниченный круг преступлений.

Без дополнительных условий сюда отнесены преступления, предусмотренные п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, 282, 282.1, 282.2, 357 УК РФ. С дополнительным условием (при возбуждении уголовного дела, начиная с 12.08.2007 года и позднее) к экстремистским отнесено убийство, совершенное по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

К экстремистским преступлениям деяние также может быть отнесено в том случае, если в статистической карточке присутствует дополнительная отметка о совершении преступления по мотивам ненависти либо вражды идеологической, политической, расовой, национальной, религиозной, в отношении какой-либо социальной группы и зависит от даты возбуждения уголовного дела, а именно: п. «л» ч. 2 ст. 105 (возбуждение уголовного дела до 12.08.2007 года), ст. 141 (при возбуждении уголовного дела, начиная с 12.08.2007 года и позднее), ст. 142 (при возбуждении уголовного дела, начиная с 12.08.2007 года и позднее), ст. 142.1 (при возбуждении уголовного дела, начиная с 12.08.2007 года и позднее), ч. 4 ст. 150 (при возбуждении уголовного дела, начиная с 12.08.2007 года и позднее), ст. 213 (возбуждение уголовного дела до 12.08.2007 года), ст. 214 (возбуждение уголовного дела до 01.06.2007 года), ст. 278 (при возбуждении уголовного дела, начиная с 12.08.2007 года и позднее), ст. 279 УК РФ (при возбуждении уголовного дела, начиная с 12.08.2007 года и позднее).

Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности не включает убийство, совершенное по мотиву кровной мести (п. «е.1» ч.2 ст. 105 УК РФ). Данное положение дел выглядит полностью не обоснованным.

Сегодня мотив кровной мести выделен в отдельный квалифицирующий признак убийства. Тем самым подчеркивается особая общественная опасность данного внеправового обычая. Ненависть и вражда являются теми существенными признаками, которые присущи именно экстремистским преступлениям в соответствие с примечанием 2 ст. 282.1 УК РФ, а также исходя из философско-правовых и иных теоретических подходов к пониманию экстремизма. Месть, на наш взгляд, является одним из проявлений ненависти или вражды, и в целом носит экстремистский характер. Подчеркнем, что до настоящего времени не выработано единого научно-обоснованного определения понятия «кровная месть». Это затрудняет понимание законодателем и правоприменителем сущности данного «внеправового обычая», и соответственно его отображения в стати-

стике.

Кровная месть – обычай, сложившийся при родовом строе как универсальное средство защиты рода. В отдельных современных энциклопедических словарях отмечается, что кровная месть состоит в *обязанности* родственников убитого отомстить убийце или его родным [7].

Кровная месть и вообще нанесение ответного ущерба на ранней стадии исторического развития общества было суровой необходимостью. Ведь когда община теряла человека, то изменялось соотношение сил в пользу той, члены которой совершили убийство. Если оставить убийство безнаказанным, то это откроет дорогу для новых такого же рода действий, что, в конце концов, может привести к гибели общины, не нашедшей силы для ответного удара.

Хотя кровная месть имеет древние истоки, этот обычай сохранился до наших дней. До сих пор убийства, совершаемые по мотиву кровной мести, встречаются во многих странах, например, в Греции, Албании, Сербии, Италии, на Корсике, Японии, Йемене. Этот древний обычай общинно-родового строя бытует на территории Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Грузии, Абхазии, Азербайджана. Как показало изучение судебно-следственной практики, случаи убийств по мотиву кровной мести сохранились и на территории России, преимущественно среди народов Северного Кавказа: Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни.

В качестве яркого примера можно привести Дагестан. По данным МВД Республики Дагестан в современный период количество убийств и ранений в Дагестане, совершенных на почве кровной мести, превысило дореволюционный период и составило 10-15 процентов от общего числа зарегистрированных в Республике Дагестан преступлений[8].

На древний обычай кровомщения (например, туркменский, дагестанский, чеченский, ингушский) оказал большое влияние шариат.

Считается, что по шариату право на кровомщение дается ближайшим наследникам, как умышленно убитого человека, так и такого, смерть которого последовала от умышленно нанесенных ран. Однако, исследователи шариата, опираясь на Коран, считают, что Священное писание не поощряет кровную месть [9, 10].

Объектом кровомщения по шариату может быть только настоящий убийца (туркменский обычай в этом случае отступает от шариата: у туркмен убивали родственников убийцы и даже одноплеменников), а потому, если убийство совершено по подкупу, отвечает не подкупивший, а учинивший убийство. Считалось, что кровомщение по шариату может иметь место, если убийца: а) совершеннолетний, б) в полном присутствии разума и в) умышленно совершил убийство или поранение. За увечье частей тела имеющему право на кровомщение шариатом разрешается произвести увечье в равной степени по длине, ширине и глубине причиненного увечья, но не более.

По шариату кровомщение не может быть совершено имеющим на то право самовольно; для этого требуется разрешение муфтия – высшего духовного лица, начальника казиев[11].

Шариатом установлено вознаграждение на тот предмет, если бы имеющий право за убийство или членовредительство на кровомщение взамен этого захотел получить вознаграждение.

Сегодня наблюдается трансформация обычая «кровной мести». Так, если первоначально объектом кровной мести на Кавказе являлись те лица, на ком «лежит кровь рода», то позднее кровомщение стало ответной мерой на оскорбление женщины, захват земли, тяжкое оскорбление словом или действием[12]. Теперь кровомщение распространяется и на лиц, свидетельствующих против преступников, в частности, на участников организованных преступных групп, сотрудничающих с правоохранительными органами или отказавших в предоставлении помощи преступной группировке, выплате «дани» и т.п.

Х.М. Мусаева, в своем исследовании отмечает совершение насильственных действий, носящих характер мести, в отношении конкретных государственных и общественных деятелей. В частности, 27 августа 2003 г. в результате взрыва в автомобиле был убит министр по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан Магомед-Салих Гусаев. Основным мотивом убийства считается месть ваххабитов, поскольку погибший был одним из идеологов борьбы с ваххабизмом и постоянно заявлял о необходимости искоренения этой разновидности террористов. Еще одним примером является убийство в начале сентября 2002 г. начальника 6-го управления по борьбе с экстремизмом и уголовным терроризмом МВД Дагестана Ахбердилава Акилова. Основной версией убийства является кровная месть ваххабитов[13].

Следует особо подчеркнуть, что в настоящее время в районах распространения ислама в Российской Федерации сохраняется ряд норм адатов (адат – обычное право у мусульман в противоположность религиозному праву – шариату), выступающих формой взаимодействия местных обычаев с предписаниями шариата. Некоторые такие нормы (например, предусматривающие кровную месть, захват имущества в обеспечение долга или допускающие полигамию) противоречат действующему законодательству РФ. В отдельных районах Северного Кавказа (например, в Ингушетии и Чечне) обсуждается возможность законодательного за-

крепления отдельных положений адатов.

Активизацию обычая кровной мести ряд авторов называют причиной возможных будущих конфликтов в чеченском обществе в начале XXI вв. По мнению М.М Сайдулаева, внутренний вооруженный конфликт в Чечне с 1994 по 2003 гг. привел к таким жертвам и к таким человеческим трагедиям, несправедливостям, которые стихийно привели к возрождению института «кровной мести»[14].

На основании вышеизложенного считаем, что преступление, предусмотренное п. «е.1» ч.2 ст. 105 УК РФ, следует внести в Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности для отражения данных преступлений в уголовно-правовой статистике как экстремистских.

Анализ включенных в Перечень № 22 статей УК РФ[15], предусматривающих преступления террористического характера, дает основание для признания этого перечня неполным. Кроме заявленных здесь преступлений, непосредственно связанных с террористической деятельностью, следовало бы включить и ст. 210 УК РФ. Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что сегодня в значительной степени основой деятельности преступных сообществ является экономика.

За период с января по декабрь 2013 г. всего выявлено 141,2 тыс. преступлений экономической направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 6,4%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 229,86 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 57,8%. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 130 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 92,0% [16].

По мнению Л.С. Арутюнова, на 2004 г. в России существовало более двух тысяч преступных группировок, созданных по национальному «неславянскому» признаку, т.е. в их состав до 95% входили лица одной национальности (неславянской). Преступления, совершенные членами этих группировок, составляли в 2004 г. около 64 % от общего числа совершенных преступлений. Общая численность этих группировок составляет, по приблизительным оценкам, около 7500 человек [17].

Таким образом, криминологический анализ этнической преступности, исходя из исходя из Приложения к указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 11.09.2013 N 387-11/2, возможно проводить по перечням преступлений экстремистской направленности и преступлений террористического характера, которые не представляются в полной мере обоснованными и отражают лишь частично преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотиву ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Кроме этого, в статистике представлено лишь общее число преступлений экстремистской или террористической направленности без определения структурного соотношения тех или иных конкретных видов преступлений (составов).

Во многих случаях не ясна реальная квалификация преступления, т.к. в юридической практике возникают большие трудности при квалификации преступлений экстремистской направленности[18]. В итоге из анализа уголовной статистики становится неясным, каким оказался результат расследования преступлений и какой приговор вынес суд.

Существующая система формирования уголовно-правовой статистики об этнической преступности не отвечает требованиям научности. Статистические показатели не дают точного представления о количестве пострадавших от экстремизма, терроризма, этноэкономической преступности, о динамике позитивных (негативных) результатов расследования уголовных дел, а также о реальном результате работы следователей и судов.

Литература:

1. См.: Кузьмина Н.В. Этническая преступность как предмет криминологического и уголовно-правового изучения: вопросы становления теории// Российский следователь. 2010. № 5. С. 25-28.
2. Клейменов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2008.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2013 года [электронный ресурс]. URL: http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/ (дата обращения 02.03.2014)
4. Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дис…канд юрид. наук. Москва, 2010.
5. Приложение к указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 11.09.2013 № 387-11/2 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Большой энциклопедический словарь (сост. Е.Ю. Сверчков), 2003 [электронный ресурс]. URL: http: //bbs.ogo.ru/book/BESLOV01.HA; http: //bbs.ogo.ru/book/BESLOV02.HA (дата обращения 02.03.2014)
7. Годовой отчет МВД Республики Дагестан на 1 ян-

варя 2001 г. // Текущий архив МВД РД (Махачкала, 2000).
8. См.: Сюкияйнен Л.Р. Шариат, обычай, закон: координаты правового бытия российского мусульманина // Человек и право: Книга о Летней школе по юридической антропологии (Звенигород, 22 – 29 мая 1999 г.) /Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 82–92.
9. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986.
10. Зюков А.М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир,2009.
11. Сайгитов У.Т. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан // Журнал российского права. 2004. № 3.
12. Цит. по: Мусаева Х.М. Проблемы борьбы с преступностью на Северном Кавказе: региональный аспект: дис. канд. юр. наук: 12.00.08. М.: РГБ, 2005.
13. Сайдулаев М.М. Чеченский конфликт: истоки, движущие силы, пути урегулирования (этнополитический аспект): монография. М., 2003.
14. Приложение к указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 11.09.2013 # 387-11/2 [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2013 года [электронный ресурс]. URL: http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/ (дата обращения 02.03.2014)
16. Арутюнов Л. С. О некоторых причинах возникновения и развития этнической преступности [электронный ресурс]. URL: http://web.archive.org/web/20071012011102/http://kgti.org/dxct8bsifq/uploads/Arutyunov.pdf. (дата обращения 02.03.2014)
17. См.: Кузьмина Н.В. Установление мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности: проблемы практики правоприменения // Российский следователь. 2010. № 24. С. 18-22.

References:

1. Kuzmina N.V. Ethnic crime as an object of criminological and criminal law study: questions of formation of the theory // Rossiyskiy sledovatel. 2010. № 5. P. 25-28.
2. Kleymenov M.P. Criminology: the textbook. M.: Norma, 2008.
3. Brief characteristics of crime in the Russian Federation for January - December 2013 [e-resource]. URL: http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/ (access date 02.03.2014)
4. Revina V.V. Extremism in Russian criminal law: Autoabstract of the dissertation of the candidate of legal sciences. Moscow, 2010.
5. Application instructions to the General Prosecutor of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 11.09.2013 № 387-11/2 [e-resource]. Access from the reference-legal system “ConsultantPlus”.
6. Encyclopedic Dictionary (compiler E.Yu. Sverchkov), 2003 [e-resource]. URL: http: //bbs.ogo.ru/book/BESLOV01.HA; http: //bbs.ogo.ru/book/BESLOV02.HA (access date 02.03.2014)
7. Annual Report of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Dagestan on 1 January 2001. // The current archive Ministry of Internal Affairs of Dagestan (Makhachkala, 2000).
8. Sukiyanen L.R. Sharia, custom, law: the legal position of being Russian Muslim // Man and Law: The Book of the Summer School in Legal Anthropology (Zvenigirid, May 22 – 29, 1999 г.) /Ed. By N.I. Novikova V.A. Tishkov. M.: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 1999. P. 82–92.
9. Sukiyanen L.R. Muslim law. Theory and Practice. M., 1986.
10. Zukov A.M. Vendetta: extralegal custom and state-legal policy. Vladimir,2009.
11. Saygitov U.T. Influence of traditions and customs on crime in the Republic of Dagestan // Jurnal rossiyskogo prava. 2004. № 3.
12. Musaeva H.M. Problems of Crime in the North Caucasus: Regional Aspect: diss. of the candidate of legal sciences.12.00.08. M.: Russian State Library, 2005.
13. Saydulaev M.M. ЧChechen conflict: origins, driving forces, ways of resolving (ethno-political aspect): Monograph. M., 2003.
14. Application instructions to the General Prosecutor of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 11.09.2013 № 387-11/2 [e-resource]. Access from the reference-legal system “ConsultantPlus”.
15. Brief characteristics of crime in the Russian Federation for January - December 2013 [e-resource]. URL: http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/ (access date 02.03.2014)
16. Arutyunov L.S. Some reasons for the emergence and development of ethnic crime [e-resource]. URL: http://web.archive.org/web/20071012011102/http://kgti.org/dxct8bsifq/uploads/Arutyunov.pdf. (access date 02.03.2014)
17. Kuzmina N.V. Motives in establishing qualification of extremist crimes: challenges of law enforcement practices // Rossiyskiy issledovatel. 2010. № 24. P. 18-22.